

Слинкин М.Ф.

КЛЕРИКАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ В 60-70-Х ГГ. XX в.

В Афганистане в последней трети XX в., в условиях углубления общенационального кризиса, на арене общественно-политической борьбы, наряду с левым экстремизмом, появился воинственный правый экстремизм, ядро которого было представлено консервативно-клерикальными кругами. Следует заметить, что общественная активность правых клерикальных сил и их вторжение в политику не являлось для Афганистана чем-то новым. Ретроспективный взгляд на афганскую историю лишь XX в. позволяет утверждать, что клерикалы и ультраконсерваторы постоянно вмешивались в политическую жизнь Афганистана. Вспомним, к примеру, деятельность в начале века «староафганцев», пытавшихся во что бы то ни стало сохранить в обществе незыблемость средневековых порядков и изоляцию страны от внешнего мира; оппозицию реформаторской деятельности эмира Амануллы в 20-х годах со стороны духовных авторитетов – Фазль Омара Моджаддеди (нур аль-машайех), Мухаммада Садека Моджаддеди, Мухаммада Масума Моджаддеди, Халифа Казала Айяка, Нематуллы Кадиани, мулл Абдул Ахада, Сабхана Вардаки, Абдул Алима из Чарасияба, Нур Али Кохнафоруша, Хамидуллы (Ахунд-заде Саиб из Тахаба или Пире Тагави), кази Абдуррахман-хана, кази Фазль аль-Хака, кази Кадера Пагмани, Абдул Хенан-хана, мулл Кандагара, Герата, Нангархара и других; антиправительственное восстание 1924 года в Хосте (Пактия) под предводительством мулл Абдуллы Ленга и Абдуллашида и при непосредственном покровительстве Мухаммада Садека Моджаддеди и других видных кабульских духовных деятелей; мятеж племен шинвари в 1928 году, возглавленный муллами Мухаммадом Алямом и Мухаммадом Афзалем; поддержку Бачаи Сакао со стороны известных духовных авторитетов страны; выступление духовенства в 1959 году против снятия женщинами чадры и т.д. [1].

Политическая активность клерикально-консервативных кругов значительно усилилась и приобрела общенациональный характер в 60-х годах, особенно после принятия новой конституции страны. В рассматриваемое время, как и прежде, во главе правых, консервативных сил стояли видные духовные авторитеты, тесно связанные с правящими кругами и составлявшие наиболее влиятельную часть господствовавшей в стране элиты.

Следует, однако, отметить, что духовенство Афганистана на сей раз четко обнаружило разные подходы к проблемам внутренней и внешней политики правящих монархических кругов. В его среде выявились, по крайней мере, два основных течения, взгляды представителей каждого из которых по-своему отражали происходившие в стране перемены. Одна часть служителей культа, следуя в фарватере правительственной политики, стремилась приспособиться к новым социально-экономическим условиям, модернизировать ислам и таким образом сохранить за ним роль регулятора политических, социальных и семейно-бытовых отношений [2]. Данное течение было представлено в основном духовными деятелями (настоятелями крупных мечетей, проповедниками, чиновниками шариатских судов, преподавателями теологии), окончившими правительственные духовные учебные заведения.

Другая часть духовенства, составляющая его крайне правое крыло и принадлежащая, как правило, к известной в стране клерикальной элите - семействам Моджаддеди, Накиб Саиба Багдади и др. [3], не хотела примириться с перспективой потери своих привилегий, прав и доходов и пыталась во что бы то ни стало сохранить прежнее влияние религии на общество, увековечить полуфеодалные порядки и не допустить модернизации общественно-политической жизни страны. Эта часть духовников активно выступала не только против демократических сил страны, но и оказывала противодействие всем предпринимавшимся сверху мероприятиям (по своей сути ординарным) в политической, социальной и экономической областях, усматривая в них угрозу своему влиянию. Объектом нападок правых клерикалов стали и расширявшиеся в то время советско-афганские экономические и культурные связи. В частности, в 1955 году во время дружественного визита руководящих деятелей СССР в Кабул при прямом подстрекательстве Моджаддеди была предпринята попытка организовать антисоветские провокации в районе резиденции советской делегации в Чехель-сотун.

Антиправительственные выступления ортодоксов-клерикалов заставили афганские монархические круги еще в 50-х годах прибегнуть к репрессивным мерам в отношении их наиболее фанатичных и воинствующих представителей. Некоторые из них, в том числе Себгатулла Моджаддеди, были брошены в тюрьму, другие – лишены права выезжать за границу, ряд мулл-зачинщиков кандагарского мятежа 1959 года – повешены. Прекратил свое функционирование и официальный высший орган духовенства – Совет улемов. Однако и после этого деятельность клерикалов и их вмешательство в государственные дела фактически не прекращались.

С приходом к власти кабинета М.Х.Майвандваля в ноябре 1965 года, когда обстановка в стране резко обострилась и внутривнутриполитический климат все больше стал определяться активностью леворадикальной оппозиции, отношение официальных кругов к крайне правому духовенству изменилось. Они решили привлечь его на свою сторону и с его помощью усилить наступление на левые силы. Сидевшие в тюрьме духовники получили свободу и сразу же включились в борьбу против «врагов ислама и родины». На политической арене снова появился Себгатулла Моджаддеди. Еще больше активизировались контакты и координация действий между высшим духовенством и придворным кланом Шах Вали и Абдул Вали. Возобновил свою деятельность Совет улемов. Влиятельным духовным деятелям было разрешено использовать не

только парламентскую трибуну для подстрекательских речей, но и печатать в государственной типографии разного рода пропагандистские материалы, направленные против демократических, прогрессивных сил.

Яростным атакам, в том числе и физическому давлению, начали подвергаться прежде всего демократические элементы, их организации и печатные органы. Так, в ноябре 1966 года при подстрекательстве высшего духовенства и, в первую очередь, семейства Моджаддеди в парламенте было организовано избивание депутатов, выразивших взгляды демократической оппозиции. Эта расправа вызвала ликование среди консервативных служителей культа, которые в своих проповедях в ряде мечетей Кабула не преминули назвать ее непосредственных зачинщиков – Абдуррашида и Саду-хана – «истинными патриотами» и «верными защитниками ислама», покаравшими зло в лице «безродных коммунистов».

Несколько ранее, в апреле 1966 года, после опубликования в газете «Хальк» программы народно-демократического движения сенатор Мухаммад Хашим Моджаддеди и его сторонники выступили с призывом «задушить в зародыше чуждое исламу течение» и расправиться с «коммунистами» по образцу «действий братьев-мусульман Индонезии» (имеются в виду события в Индонезии осенью 1965 года. – М.С.). Вслед за этим в столицу из южных провинций было вызвано до 400 мулл, которые на своем собрании потребовали запретить указанную газету. В итоге в мае власти запретили ее издание. Та же участь постигла и газету «Пейаме эмруз».

Особое внимание в религиозной пропаганде, широко проводившейся в стране через официальные органы печати и радио и с кафедр мечетей, отводилось обоснованию универсальности «исламского пути развития» (в противовес иного рода концепциям демократических сил) и преимуществ ислама как «самой прогрессивной религии мира», воплощающей в себе, как говорилось в передовице газеты «Кабул Таймс», «социальную справедливость», совершенную «мусульманскую демократию», «равенство всех людей без какой-либо дискриминации», в том числе и «равенство в экономической области» [4]. Следует заметить, что в рассматриваемые годы роль методического и координирующего центра по вопросам религиозной пропаганды пытались взять на себя официальные правительственные органы, в частности, идеологический департамент министерства печати и информации Афганистана. Показательно, что руководителем этого департамента в кабинете М. Юсуфа был представитель клерикальной элиты, известный духовник маулави Мухаммад Шах Эршад.

Начиная со второй половины 60-х годов, влиятельные религиозные деятели стали при активном содействии властей широко практиковать проведение конференций в различных районах страны, привлекая к участию в них как местное духовенство, так и население, прежде всего учащуюся молодежь. Основным вопросом, обсуждавшимся на указанных конференциях, являлась борьба против распространения в обществе идейных взглядов, «несовместимых с религией». Таким путем верхушка духовенства стремилась установить единое для всей страны содержание религиозной пропаганды и подключить к ее проведению весь многочисленный аппарат служителей культа.

Клерикалы, испуганные ростом популярности левых идей среди определенной части афганского общества и перспективой дальнейшей утраты монополии на идейное влияние среди населения страны, развернули в 60-х годах кампанию по дискредитации и опровержению материалистических взглядов. На этом поприще особенно усердствовал выходивший с 1952 года специальный еженедельник клерикального направления «Пейаме хакк» («Послание истины»), который распространялся в большом количестве экземпляров среди населения и в армии.

Одной из форм в арсенале политико-идеологических усилий ортодоксальной части духовенства Афганистана в рассматриваемый период были публикации и распространение злопыхательских антисоветских листовок и памфлетов. В этой связи заслуживает упоминания памфлет, составленный в начале 1967 года и распространенный от имени сенатора М.Х.Моджаддеди в Кабуле и других городах страны. В нем грубо извращались положения марксизма по вопросам свободы личности, семьи и брака, отношения к религии, фальсифицировались торговая политика, система социального страхования и пенсионного обеспечения в Советском Союзе, приносились успехи СССР в решении социально-экономических и других проблем.

Вместе с тем в памфлете резкой критике были подвергнуты политика и социальные декларации правительства Афганистана, в частности планы создания тяжелой промышленности, строительство нескольких государственных механизированных ферм, обещание «изучить вопрос о земельной реформе» и др.

Одновременно с усилением своего вмешательства в политическую жизнь страны правые духовные деятели Афганистана стали расширять и активизировать контакты с зарубежными исламскими кругами. Так, в июне 1966 года группа афганских духовников во главе с Мухаммадом Ибрагимом Моджаддеди (зия аль-машайех; с 1956 года он являлся главой клана Моджаддеди) посетила Иран и Саудовскую Аравию с целью установления сотрудничества и возможной координации действий с духовенством этих стран. В Афганистан, в свою очередь, зачастили делегации «Братьев-мусульман», которые делились опытом борьбы с «врагами ислама».

Следует отметить, что международные связи афганских клерикалов имели место и в прошлом. Что касается их связей с зарубежными исламскими экстремистами, то они начались сразу же после создания в Египте в 1928 году организации «Братьев-мусульман» (араб. – «Ихван аль-муслемин»). Пальма первенства в установлении тесных контактов и сотрудничества с египетскими ихванистами принадлежит, безусловно, семье Моджаддеди [5]. Один из ее известных представителей – Мухаммад Садек Моджаддеди, назначен-

ный в 1929 году послом Афганистана в Египте, вскоре после приезда в Каир лично познакомился с основателем «Братьев-мусульман», ее «верховным наставником» («верховным муршидом») Хасаном аль-Банной и стал его близким другом и убежденным приверженцем. Приверженность идеологии и практике «братства» унаследовал Мухаммад Харун Моджаддеди, прибывший в 1948 году на учебу в Каирский богословский университет «Аль-Азхар». В этом же году оба – Харун и Себгатулла – примкнули к движению «Братьев-мусульман» и вошли в ближайшее окружение нового «верховного наставника» «братства» Хасана аль-Худайби (его предшественник Хасан аль-Банна был убит 12 февраля 1948 года). Указанные члены семьи Моджаддеди все последующие годы пребывания в Египте принимали активное участие в деятельности «братьев», в том числе и в подготовке покушения на жизнь Гамаль Абдель Насера, совершенного в Александрии в октябре 1954 года. Их (Моджаддеди) причастность к этому заговору подтвердил в ходе судебного процесса один из покушавшихся – Махмуд Абдуллатиф. В соответствии с нормами международного права посол М.Садек Моджаддеди был объявлен персоной нон грата и выдворен из страны.

Возвратившись в Афганистан, Себгатулла Моджаддеди при покровительстве и поддержке дворцового клана Шах Вали-Абдул Вали приступил к распространению взглядов и идей ихванистов среди афганской общечественности и привлечению на свою сторону видных духовников. В частности, ему удалось заручиться поддержкой таких религиозных авторитетов, как муллы Мескина Кухидамани, Мир Абдуссагара Логари и др. С. Моджаддеди пытался воздействовать и на тогдашнего премьер-министра М. Дауда, направив ему письмо с предостережением «об опасности роста советского влияния в Афганистане» [6]. М.Дауд, не терпевший, как известно, правой исламской оппозиции себе и не скрывавший притом своей неприязни персонально к клану Моджаддеди, проигнорировал данное письмо. Курс его правительства на расширение и развитие всесторонних, взаимовыгодных связей с СССР продолжался. В 1960 году С.Моджаддеди, действуя по образу и подобию своих наставников – египетских «Братьев-мусульман», принял участие в попытке покушения на членов находившейся в Кабуле советской правительственной делегации, за что был арестован и осужден. После четырех с половиной лет тюремного заключения он был выслан из страны на два года (жил, предположительно, в Саудовской Аравии) [7].

Перечень фактов и примеров из деятельности исламских фундаменталистов в Афганистане можно было бы продолжить, так как в указанные годы, как, впрочем, и раньше, не было, пожалуй, ни одного сколько-нибудь серьезного внутри- и внешнеполитического вопроса, который бы не оценивался ими с позиций ортодоксального ислама и не вызывал бы с их стороны той или иной реакции. И все же при всей их политической активности они долгое время, вплоть до середины 60-х годов, оставались организационно неоформленными. В этом им определенно мешали извечное соперничество и вражда между различными афганскими религиозными авторитетами и кланами. Однако в условиях, когда в афганском обществе усилились процессы консолидации разных политических сил и течений, от этого не остались в стороне и ультраправые, фундаменталистские элементы.

К сожалению, пока не представляется возможным со всей достоверностью раскрыть подлинную историю становления фундаменталистского движения в Афганистане. Дело в том, что, как правильно подметил советский автор В.Н. Спольников, до 80-х годов афганские фундаменталисты, по примеру своих египетских наставников «Братьев-мусульман», действовали строго законспирированно и тщательно скрывали все то, что относилось к их организации [8], а в последующем, когда на ее основе возникло несколько враждующих между собой группировок, их лидеры в стремлении возвеличить себя и показать свои «исторические» заслуги перед движением начали давать свои, отличные друг от друга версии возникновения и деятельности организации, содержащие немало искажений, вымысла, тенденциозных и ошибочных суждений. Не лишена также определенных противоречий и неточностей и литература об афганских «братьях», изданная в Кабуле и за рубежом.

Начало складыванию исламской экстремистской организации в Афганистане было положено в середине 60-х годов в стенах Кабульского университета (а не в 1958 или даже 1957 году, как говорил об этом Б.Раббани [9]). По утверждению некоторых афганских авторов, крестным «отцом» и идейным вдохновителем организации явился один из старейших членов клана Моджаддеди – Мухаммад Садек Моджаддеди, возвратившийся в 1966 году в страну после 22-летнего пребывания на дипломатической службе за рубежом [10]. Занявшись на старости лет педагогической и пропагандистской деятельностью, он стал собирать вокруг себя выпускников исламского университета Аль-Азхар и некоторых студентов, разделявших взгляды и идеи «Братьев-мусульман». Плодом его усилий и деятельности среди богословов явилось создание им в 1971 году «Общества улемов Мухаммади» («Джамиате уламаи Мухаммади»), а несколько позже и «Общества служителей Корана» («Джамиате ходдам аль-форкан»), получивших поддержку как двора, так и многих влиятельных религиозных деятелей. Что касается студенческой молодежи, то все бремя идейной и организационной работы в ее среде взял на себя Гулям Мухаммад Ниязи, профессор богословия, декан теологического факультета Кабульского университета, близкий человек Моджаддеди (еще будучи студентом Каирского университета Аль-Азхар, он был вхож в семью М.Садека Моджаддеди, дружил и жил вместе с С.Моджаддеди [11]). В 1965 году (по другим данным, в 1964 году) он организовал первый фундаменталистский кружок. В него вошли преимущественно студенты теологического факультета Кабульского университета Абдулрахим Ниязи, Абдулрасул Сайяф, Голь Мухаммад, Атиш Раббани, Сеид Абдулрахман, Абдул Кадыр Тавана, маулави Хабибуррахман, а также студент медицинского факультета Мухаммад Омар. Тот факт, что именно Г.М.Ниязи (а не М.С.Моджаддеди) явился создателем и идейным наставником названного кружка, объясняется не только его служебным положением как декана

факультета и связанными с этим благоприятными возможностями для организации и деятельности кружка, но, главное, как считает афганский автор Рошан, непопулярностью семьи Моджаддеди среди студенчества и интеллигенции из-за закрепившейся за ней недоброй славы агентов Запада и той неблагоприятной роли, которую хазраты Шур Базар играли в судьбах страны на протяжении первой-начала второй половины XX в. [12]

Чуть позже на инженерном факультете университета возник другой фундаменталистский кружок, ядро которого составили студенты этого факультета Гульбеддин Хекматьяр и Сайфуддин Насратъяр, а также студент Кабульского политехнического института Хабибуррахман [13]. Оба кружка в первые годы своего функционирования особо не обнаруживали себя и занимались в основном изучением идейных основ и опыта деятельности «братства», обсуждением общественно-политической ситуации в стране и дискуссиями по поводу программы и структуры будущей организации. В 1969 году (по другим данным, в 1968 году [14]) при непосредственном покровительстве и содействии Г.М.Ниязи (из соображений осторожности он всегда предпочитал держаться за «кулисами» движения) произошло объединение обоих кружков и создание на их базе организации «Мусульманская молодежь». В руководящие органы организации – Высший и Исполнительный советы – вошли студенты и некоторые преподаватели университета: Абдуррахим Ниязи, Г. Хекматьяр, Бурхануддин Раббани (преподаватель философии на факультетах теологии, литературы, политических наук), А. Сайяф, Хабибуррахман (КПИ), Голь Мухаммад, С. Насратъяр [15]. В составе организации действовали различные секции, в частности, военная (ее возглавлял сначала Хабибуррахман, а после его ареста – Г. Хекматьяр; эта секция вела работу в армии, а также занималась организацией и проведением митингов и демонстраций), секция по выявлению «неисламских» студенческих групп и их членов и борьбе с ними и др. Большое внимание уделялось организации и проведению агитационной работы среди населения, распространению исламской литературы и клерикальных печатных изданий, привлечению новых членов и созданию ячеек как в Университете, так и вне его, в том числе и в провинциях [16]. Деятельностью организации на периферии руководил Б.Раббани.

Нужно отметить, что идеи исламского фундаментализма нашли много сторонников и сочувствующих в афганском глубоко религиозном обществе, особенно в среде мелкобуржуазной интеллигенции, студенческой и учащейся молодежи, чиновничества, люмпенов. Уже в начале 70-х годов общая численность активистов движения, видимо, превышала 5 тысяч человек [17]. Организация «Мусульманская молодежь» заметно укрепила свое влияние в руководящем студенческом органе Афганистана - Совете Ассоциации студентов, заняв в нем в 1971 году 9 из 49 мест.

«Мусульманская молодежь» сразу же после своего создания активно включилась в политическую борьбу, прежде всего против левых, прогрессивных сил, а также против тех кругов правящего режима, которые стремились к определенной модернизации общественно-политической и экономической жизни страны. Вдохновляясь идеями и взглядами египетских «Братьев-мусульман», организация стала, открыто выступать за возвращение Афганистана к средневековым порядкам, ополчаться против распространения в стране демократических идей, прибегать, особенно в стенах Кабульского университета, к актам физического насилия в отношении всех, кто не разделял ее взгляды, провоцировать антиправительственные и антисоветские выступления, используя для этого нередко разного рода надуманные предлоги. Так, к примеру, в начале 1971 года члены этой организации обратились к студентам с призывом провести демонстрацию у здания советского посольства в Кабуле в связи с показом в Кабульском университете советского фильма «Сорок первый», отдельные кадры которого были ими злонамеренно истолкованы как «вмешательство в вопросы веры страны».

«Мусульманская молодежь» одним из главных методов своих действий избрала насилие и индивидуальный политический террор, руководствуясь на сей счет советом верховного муршида «братства» Хасана аль-Банни, высказанным им своим последователям еще в 1928 году: «Ликвидируйте каждого, кто не с вами, так как тот, кто не с вами, есть ваш враг» [18]. На этом поприще в «послужном» списке организации было немало черных дел. В их числе – убийства инакомыслящих и неугодных лиц (к примеру, в 1969 году – одного из студентов Кабульского университета; 25 октября 1971 года в Лагмане – члена НДПА Абдуррахмана; в июне 1972 года – функционера Шоалеи джавид Сайдала Сохандана (как пишет индийский исследователь С.Мукерджи, этот террористический акт был совершен лично Г.Хекматьяром [19]); осенью 1977 года – пилота компании «Арьяна» Инама Грана, которого террористы по ошибке приняли за Б.Кармая; 16 ноября 1977 года – одного из немногих оставшихся в правительстве М.Дауда прогрессивных деятелей, министра планирования Али Ахмада Хоррама и т.д.); разбрызгивание с помощью подростков серной кислоты на лица и другие открытые части тела женщин и девушек, снявших чадру, в результате чего десятки из них были обезображены или даже потеряли зрение, поджоги и разгром лавок, кинотеатров и книжных киосков (например, в Джалалабаде, уездах Панджшер и Ханабад); уличные драки и нападения на участников собраний, демонстраций и митингов демократических сил в столице и провинциях (так, в 1972 году члены «Мусульманской молодежи» устроили побоище с участниками первомайских демонстраций в Кабуле, Кундузе и ряде других городов, а в июне этого же года завязали в Кабульском университете драку со сторонниками Шоалеи джавид, в результате которой один студент был убит и 24 ранены [20]) и, наконец, подготовка и проведение антиправительственных заговоров и мятежей. По некоторым данным, члены «Мусульманской молодежи» занимались также сбором «компрометирующих» сведений об активистах демократических, прогрессивных движений и организаций, в первую очередь НДПА, и доносили на них в органы тайной полиции [21]. И все это совершалось под флагом «защиты ислама».

Деятельность «Мусульманской молодежи» приняла наиболее острые формы после свержения монархии в 1973 году. В этот момент в руководстве организации фактически произошел раскол, основной причиной которого явились разные подходы двух крыльев – молодежного, экстремистского, и «умеренного» (т.н. «стариков») – к вопросам тактики и форм борьбы с новым, республиканским режимом. Первое из них выступало за немедленную подготовку вооруженного восстания против «безбожного» правительства М.Дауда, изгнание «коммунистов» из государственных органов и образование «подлинно исламской республики». Другое же крыло считало восстание авантюрой, обреченной на поражение, и предлагало вести тщательную подготовку к совершению военного переворота. Верх в руководстве организации взяло, однако, молодежное крыло. Оно, поощряемое и поддерживаемое влиятельными фундаменталистскими кругами страны, активно подключилось к подготовке антиправительственных заговоров. При этом основная ставка делалась на сторонников организации в армии. В декабре 1973 года власти раскрыли один из таких заговоров, подготовленных при участии военной секции «Мусульманской молодежи». Аресту подверглось не менее 600 человек. При обыске в доме одного из арестованных религиозных лидеров маулави Файзуллы было обнаружено более 100 тысяч долларов и материалы, свидетельствовавшие о том, что он был связан с иностранной агентурой. После провала указанного заговора члены руководства секции инженер Мухаммад Иман, маулави Хабибуррахман и другие бежали в Пакистан.

Следующий крупный заговор с участием исламских радикалов и военных был сорван в июле 1974 года. Незадолго до этого в руки органов безопасности при обыске в книжных лавках-библиотеках, расположенных в районе Димазанг и соборной мечети «Поли-Хешти» (последняя лавка принадлежала маулави из Герата Файзани, который еще в 1970 году установил связи с «Мусульманской молодежью»), попали важные документы о деятельности организации и списки ее членов в центре и в провинциях. По этому делу было арестовано до 300 человек, среди которых оказались активисты и руководители «Мусульманской молодежи» – инженер Хабибуррахман (приговорен к смертной казни и расстрелян), Файзани и С. Насратъяр (оба осуждены на пожизненное заключение), профессор Г.М. Ниязи (по некоторым данным, позже, еще при М. Дауде, был казнен). Оставшиеся на свободе участники заговора ушли в глубокое подполье и создали «Комитет партизанских действий». Ряд членов руководства и функционеров организации (Г.Хекматъяр, профессор Голь Мухаммад, Б. Раббани, Мухаммад Надир Бадахши, Мухаммад Насим Тарек Мослемъяр, инженер Абдул Алам и др.) эмигрировали в Пакистан, где были гостеприимно встречены крайне правой религиозно-политической организацией «Джамиат-и ислами». Здесь им, как оппозиции М. Дауду, была оказана со стороны правительства З.А. Бхутто помощь оружием, снаряжением и финансами. Все они под руководством пакистанских спецслужб были обучены методам ведения партизанской войны [22].

Еще один заговор против правительства М. Дауда, ликвидированный в декабре 1976 года, возглавил тесно связанный с исламскими фундаменталистами и шиитскими духовными лидерами страны начальник артиллерийского управления министерства национальной обороны генерал Сеид Мир Ахмад Шах. Заговорщики ставили своей целью создать в Афганистане теократическое государство во главе с «праведным президентом», избранным из среды духовенства, утвердить в стране власть «прогрессивного ислама» и «искоренить» влияние коммунистов.

В рассматриваемые годы политическая деятельность фундаменталистов не сводилась только к попыткам совершения государственных переворотов. После 1973 года они особенно яростно ополчились против левых, прогрессивных сил, предпочитая при этом террор и насилие всем другим методам борьбы. К примеру, лишь в течение 1974 года правые религиозные экстремисты совершили бандитские нападения на членов НДПА в провинциях Гильменд, Балх, Пактия, в районах Ургун, Панджао, Джагори, в Кабульском университете, Кабульском политехническом институте и других местах.

21 июля 1975 года под руководством «Мусульманской молодежи» началось антиправительственное вооруженное выступление в Панджшерской долине, а затем в провинциях Бадахшан, Логар, Лагман, Пактия и Нангархар. По времени оно совпало с восстанием, которое подняли в северо-восточных провинциях Афганистана сторонники Бахруддина Баэса, руководителя будущей «Организации федаев трудящихся Афганистана» (ОФТА). По неподтвержденным данным, в вопросах борьбы против даудовского режима они сотрудничали с «Мусульманской молодежью» и группировкой Шоалеи джавид. Восстание, однако, не было поддержано местным населением, на что рассчитывали его зачинщики, и регулярные части афганской армии совместно с подразделениями полиции без особых усилий подавили его. Многие ветераны «Мусульманской молодежи» или погибли в бою (в их числе и один из ее основателей профессор Голь Мухаммад), или были схвачены, преданы военному суду и в 1977-1979 годах расстреляны, включая д-ра Мухаммада Омара, маулави Хабибуррахмана, Хаджи Махфуза, М.Н.Мослемъяра, М.Надира Бадахши, инженера Абдул Алама и др. Всего же перед судом предстало более 100 человек. По данным, приводимым в западной прессе [23], афганские фундаменталисты в противоборстве с властями и своими идейными противниками в конце 60-х – первой половине 70-х годов потеряли только убитыми до 600 человек. Подтвердилась еще раз извечная истина: насилие не может не породить ответное насилие и связанные с ним неизбежные жертвы, особенно когда объектом нападений становится государственная власть.

К середине 70-х годов «Мусульманская молодежь» была обескровлена и практическая перестала существовать как организация. На ее осколки начиная еще с 1974 года Г.Хекматъяр, укрывшись в Пакистане, стал создавать Исламскую партию Афганистана (ИПА). С ним непродолжительное время (примерно три месяца) в рамках новой партии сотрудничал Б.Раббани. Однако вскоре он со своими сторонниками обра-

зовал самостоятельную организацию - Исламское общество Афганистана (ИОА).

«Мусульманская молодежь явилась первой в Афганистане фундаменталистской политической организацией. Она имела четкую организационную структуру и довольно значительное число членов, сторонников и сочувствующих, была спаяна крепкой дисциплиной и выполняла роль ударного отряда крайне правой исламской оппозиции. У арабских «Братьев-мусульман» она в полной мере позаимствовала такие их принципы и постулаты, как религиозный фанатизм, аскетизм, жертвенность, индивидуальный террор и призывы к «священной войне» («джихаду») во имя защиты исламских ценностей, созданию исламского государства, объединению всех единоверцев-мусульман.

Характеристика организации «Мусульманская молодежь» будет неполной, если не сказать о ее месте в фундаменталистском движении Афганистана и связях с другими, идентичными по взглядам, группировками. На мой взгляд, «Мусульманскую молодежь», несмотря на преимущественное представительство в ее рядах молодых людей (кстати, такое положение было характерно и для НДПА, Афган меллят и других политических организаций) и слово «молодежь» в ее названии, вряд ли следует считать, как это делают некоторые авторы, чисто молодежной организацией, как, впрочем, и молодежным филиалом «Братьев-мусульман». И структурно, со всеми ее атрибутами – высшими руководящими органами и низовыми звеньями, и политически она с самого начала ее появления оставалась самостоятельной организацией, исповедовавшей идеологию «братства» и осуществлявшей на практике его лозунги и цели. В ее рядах состояли не только представители студенческой и учащейся молодежи, но и преподаватели, чиновники, военные. Влияние на нее со стороны отдельных авторитетных духовников-ортодоксов, безусловно, было очень сильным. Однако она не была связана с какой-то организацией «Братьев-мусульман» и не могла быть ее «филиалом» по той простой причине, что в рассматриваемые годы, да и позже, в Афганистане не существовало политической группировки под таким названием. Встречавшиеся в советской печати утверждения о наличии в стране организации (или даже партии) «Братьев-мусульман» проистекали, по всей вероятности, из того, что в 60-70-х годах местные, афганские, средства массовой информации обычно под общим названием «Ихван аль-муслемин» объединяли все разрозненные фундаменталистские группировки. К ним, в частности, они относили уже упоминавшиеся выше «Общество улемов Мухаммади», «Общество служителей Корана», «Мусульманскую молодежь», а также численно небольшие группы «Тавабин» во главе с маулави Мухаммадом Юнусом Халесом, «Афганскую партию Али» С.А.Гилани и другие. Таким образом, под организацией «Братьев-мусульман» в Афганистане следует понимать собственно не организацию, а политическое течение, представленное несколькими самостоятельными фундаменталистскими центрами и группами.

Разрозненность указанных группировок, естественно, ослабляла фундаменталистское движение в стране. Это понимали как их лидеры, так и близкие к ним по взглядам представители правящей верхушки и принимали меры к согласованию и объединению своих усилий. Своеобразным центром по координации действий ультраконсервативных сил являлась вилла Себгаулулы Моджаддеди на водохранилище Карга (близ Кабула), где собирались духовные деятели, члены клана Шах Вали – Абдул Вали, иностранные (американские) граждане. Последние, в совершенстве владевшие языком дари и пушту, по свидетельству одного афганского автора, посещали указанную виллу регулярно, дважды в неделю, под предлогом «подготовки к принятию мусульманской веры» [24]. Попытки объединить и направить деятельность фундаменталистских кругов в удобное для правящего режима русло предпринимались и «сверху», по правительственной линии. Особую активность в этом в рассматриваемые годы проявлял руководитель идеологического департамента министерства печати и информации маулави Мухаммад Шах Эршад. В своих многочисленных статьях, публиковавшихся в официальной прессе, он излагал, в основном, те же мысли и идеи, которые были характерны для частных изданий ортодоксального исламского толка.

Таковыми частными изданиями являлись газеты «Гахидз» («Утро»), «Хайбар», «Недай хакк» («Голос истины») и журнал «Ислам». Все они выходили в 1968-1972 годах и пользовались покровительством двора, особенно сардара Абдул Вали, как в вопросах издания, так и распространения [25]. Издателем и главным редактором «Гахидз», основанной 26 января 1969 года, и журнала «Ислам» был Менхаджуддин Гахидз (после его убийства в 1972 году неизвестными лицами газету редактировал Абдул Салим Фергани [26]). В авторский актив газеты входили Мухаммад Юнус Хайран, Мухаммад Юнус Халес, маулина Моджахед, Б.Раббани. Она была выразительницей идей и взглядов фундаменталистского движения в Афганистане. Однако принимая во внимание принадлежность М.Гахидза к «Мусульманской молодежи» и состав авторов газеты, есть основания считать «Гахидз» в определенной мере рупором названной организации. Газета «Хайбар» начала издаваться несколько раньше, с 10 ноября 1968 года. Но 29 октября 1969 года ее издание было прекращено по решению ее издателя и главного редактора Мухибуррахмана Хуса и возобновлено 1 ноября 1971 года. Активными авторами газеты являлись маулави Мухаммад Хасан Касим Арьян, Биби Голь, Хабиб Панджшери, Устад Пашаи, Мухаммад Мехди Мухтар. Что касается еженедельника «Недай хакк» (издатель – маулави Абдул Саттар Сиддики и главный редактор – Гулям Наби Зормати), то он выходил непродолжительное время с 15 сентября 1971 года по 18 ноября 1972 года и был закрыт из-за финансовых трудностей.

Указанные частные издания по своему идейному и политическому содержанию мало чем отличились друг от друга, хотя наиболее полно и последовательно оно было изложено в публикациях «Гахидз», выходящей в течение нескольких лет, то есть значительно дольше по времени по сравнению с другими подобными изданиями. В подзаголовке газеты указывалось, что она является «Органом религиозной,

общественной, политической и национальной свободы». Целями ее издания провозглашались «борьба с безбожием», защита и показ прогрессивного, универсального значения исламского учения для жизни афганского общества [27]. «Ислам, – говорилось в одной из статей, – руководит личной и общественной жизнью и управляет всеми сторонами. Ислам воплощает в себе указания на все случаи жизни, применительно для всех эпох и этапов, для экономики и политики» [28]. Выступая за «исламский путь развития» общества (по выражению газеты «Хайбар», «афгано-исламскую демократию»), издатели «Гахидз» призывали каждого афганца неукоснительно соблюдать требования ислама. Только в таком случае, утверждали они, «мы избавимся от отсталости и несправедливости и достигнем своих целей» [29]. Особые надежды при этом возлагались на молодежь, которая, как писала газета, должна «ценой своей крови защитить веру и бороться за то, чтобы сохранить исламскую духовность в том виде, как ее дал господь, и уберечь страну от колониализма и извращений ислама» [30].

«Гахидз» отвергала как социализм с его безбожием, так и капитализм с присущими ему социальными пороками и неравенством. Обе системы, по мнению газеты, неприемлемы для мусульманских стран, так как разрушают религию и традиции, противопоставляют детей отцам, «лихорадят народ, внося в его среду зерна пессимизма, раздоры, жестокость и ненависть» [31]. Особо острой критике на страницах «Гахидз» подвергались социалистические идеи и взгляды.

Силы, группировавшиеся вокруг «Гахидз» и других крайне правых клерикально-консервативных изданий, особенно активизировались весной 1970 года, приняв участие в организации и проведении крупного антиправительственного выступления, подавленного властями.

Итак, общественно-политическая борьба, развернувшаяся в Афганистане в 60-х годах, особенно в их второй половине, отчетливо показала, что правое крыло мусульманского духовенства во главе со своими влиятельными духовными лидерами по-прежнему оставалось основным ударным кулаком лагеря реакции в его борьбе против демократических группировок и одной из главных опор монархического режима. Хотя оно в последние десятилетия XX в. и утратило свои исключительные позиции в области духовного влияния на общество, тем не менее, все еще представляло собой серьезную силу и располагало большими возможностями для вмешательства в общественно-политическую жизнь страны и государственные дела.

Характерными чертами поведения клерикальной верхушки в указанные годы являлись постоянное обращение за поддержкой к религиозным городским низам и обездоленным деревенским жителям, спекуляции на их тяжелом материальном положении, воинственные призывы к защите исламских традиций и освященного исламом социального порядка, подчеркивание при всяком удобном случае своей независимости от светских властей и оппозиции к ним. Всем этим она рассчитывала предстать в глазах темных и забитых масс своих последователей «защитниками» народных интересов и мусульманских ценностей и таким образом повысить свой религиозный и политический авторитет.

Что касается разногласий правого крыла клерикалов с династией, то они (эти разногласия) никогда не заходили далеко, носили неглубокий характер и ни в коем случае не затрагивали монархические устои власти. Мусульманские консервативные лидеры, выступая иногда с антиправительственных позиций, всего лишь хотели заставить правящие круги отказаться от осуществления рекламировавшихся планов «либерализации» монархического режима и ограниченных программ экономического обновления страны, а также подтолкнуть двор и правительство к более решительным действиям против демократической оппозиции.

Источники и литература:

1. Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. - Кабул, 1967. - С.802. - На языке дари (Афганестан дар масир-е рах); Рошан. Двурешник в роли «моджахеда»: взгляд на позорную жизнь одного из слуг империализма. Себгатулла Моджаддеди. - Кабул, дальв 1361 (февраль 1983). - С.5-8, 21-22. - На языке дари (монафек дар накш-е моджахед); его же. Банда ихванистов на службе империализма. - Кабул, дальв 1361 (февраль 1983). - С.3. - На языке дари (банд-е ихван дар хедмат-е амприализм); Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978-1979 гг.). - Симферополь: Издательство СГУ. - С.204-209, 251-255, 257-258; его же. Афганистан: страна, люди, общество. - Симферополь: МТЭПУ, 1965. - С.21-24, 90-104.
2. См. об этом подробнее: Светозаров В.Б. О модернизации ислама в современном Афганистане (по материалам официальной печати) // Религия и общественная мысль Востока. - М.: Наука, 1974. - С.115-123.
3. Слинкин М.Ф. Афганистан: страна, люди, общество. - С.90-102.
4. Эршад М.Ш. Демократия ислама: равенство в экономической области // Анис. - 1963, 14 августа; Kabul Times. - 1970, June 2.
5. Рошан. Банда ихванистов на службе империализма; его же. Двурешник в роли «моджахеда»; Мослех. На перекрестке преступлений бандитов. - Кабул, дальв 1361 (февраль 1983). - На языке дари (дар гозаргах-е дженайат-е ашрар). Здесь и далее факты и сведения приводятся по указанным изданиям.
6. Взгляд на жизнь одного моджахеда. - Б.м., б.г. - С.4. - На языке дари (негахи бэ зендеги-йе йак моджахед); Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. - М.: Наука, 1990. - С.59.
7. Взгляд на жизнь одного моджахеда. - С.9; Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. - С.59.

8. Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. - С.15-16.
9. Le Monde. - 1984, 18 апреля.
10. Рошан. Банда ихванистов на службе империализма. - С.40-41.
11. Рошан. Двурушник в роли «моджахеда». - С.24.
12. Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. - С.15, 56; Рошан. Банда ихванистов на службе империализма. - С.42; его же. Двурушник в роли «моджахеда». - С.24; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. - Durham: Duke University Press, 1986. - P.258.
13. Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. - С.16.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. - С.17.
17. Актуальные проблемы афганской революции. - М.: Наука, 1984. - С.85.
18. Рошан. Банда ихванистов на службе империализма. - С.5.
19. Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. - New Delhi: Sterling Publishers Private Ltd., 1984. - P.78.
20. Караван. - 1972, 9 и 20 июня.
21. Рошан. Двурушник в роли «моджахеда». - С.25.
22. Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. - С.21-24; Актуальные проблемы афганской революции. - С.112; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. - P.259.
23. Amin, Tahir. Afghan Resistance. Past, Present and Future // Asian Survey. - 1984. - Vol. 24, No 4. - P.376.
24. Рошан. Двурушник в роли «моджахеда». - С.26.
25. Справка о «Братьях-мусульманах». - Кабул, 1983. - На языке дари (машинописный текст; из личного архива М.С.).
26. Хакшенас Ш.Н. Русские интриги и преступления от эмира Дост Мухаммада до Бабрака. - Тегеран: Б.и., 1984. - С.386. - На языке дари (дасайес ва дженайат-е рус дар Афганестан аз амир Дост Мухаммад та Бабрак).
27. Гахидз. - 1969, 2 февраля.
28. Гахидз. - 1969, 29 марта.
29. Гахидз. - 1969, 12 февраля.
30. Гахидз. - 1969, 2 февраля.
31. Гахидз. - 1970, 7 марта.